

СТУЖА

Даха Тараторина

Даха Параторина

Стужа

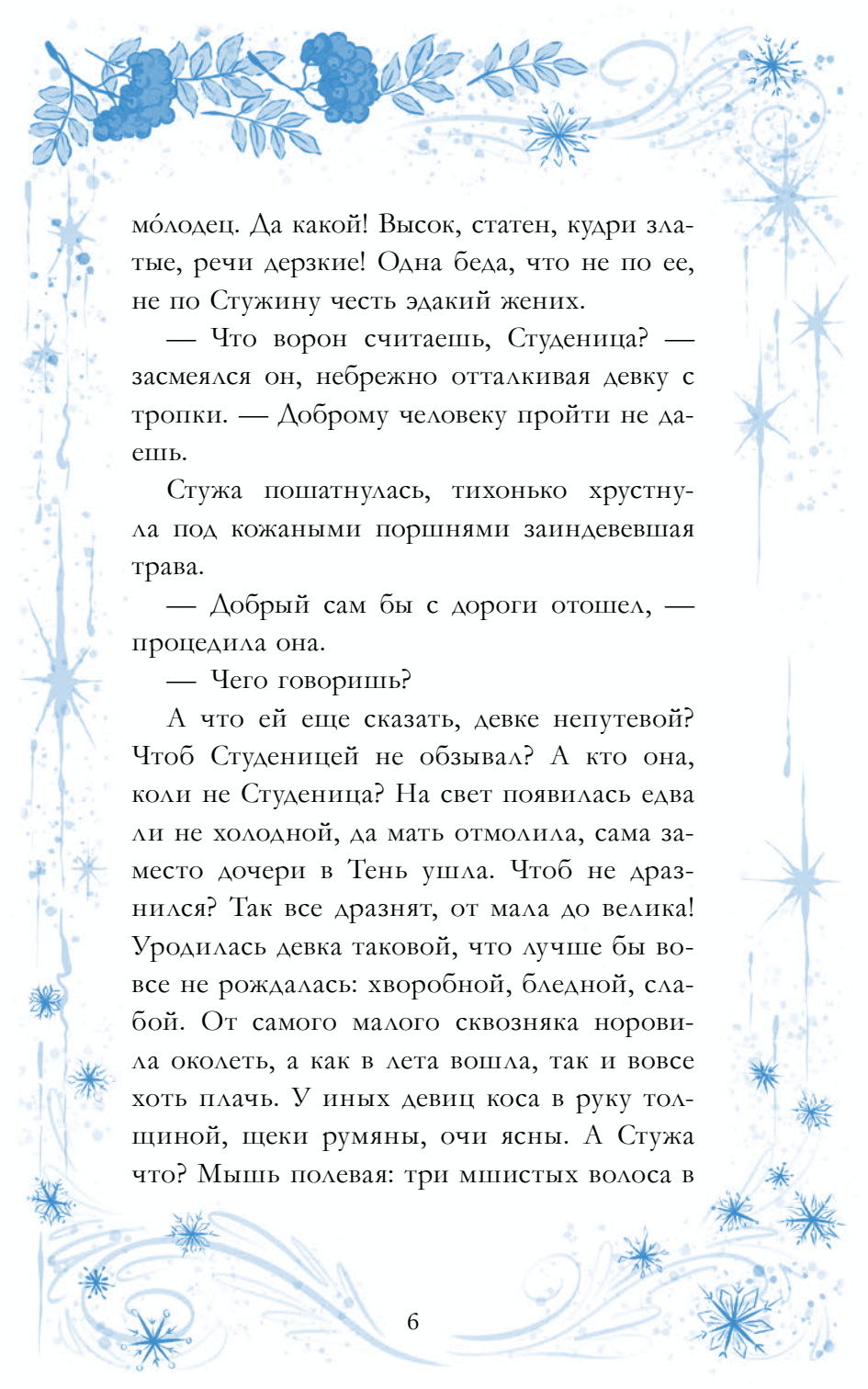
Новелла

ТРАВУШКА ПРИНАРЯДИЛАСЬ ИНЕЕМ, ровно заневестившаяся девка в праздничный убор. Выглядит дневное светило, согреет землю-матушку — и заплачет осока горячими слезами, стыдливо скрючится, пряча нагое тело, а там и вовсе сгниет. Стужа жалела ее — не потоптать бы! — и шла осторожно, берегла хрупкую красоту. Потому поршеньки* ступали по тропке ровно, один пред другим, и глядела девица на них только, а не по сторонам. За то и поплатилась: самую малость до колодца оставалось, когда путь преградил

* Поршни — это вид простой кожаной обуви, напоминающей лапти.

мóлодец. Да какой! Высок, статен, кудри златые, речи дерзкие! Одна беда, что не по ее, не по Стужину честь эдакий жених.

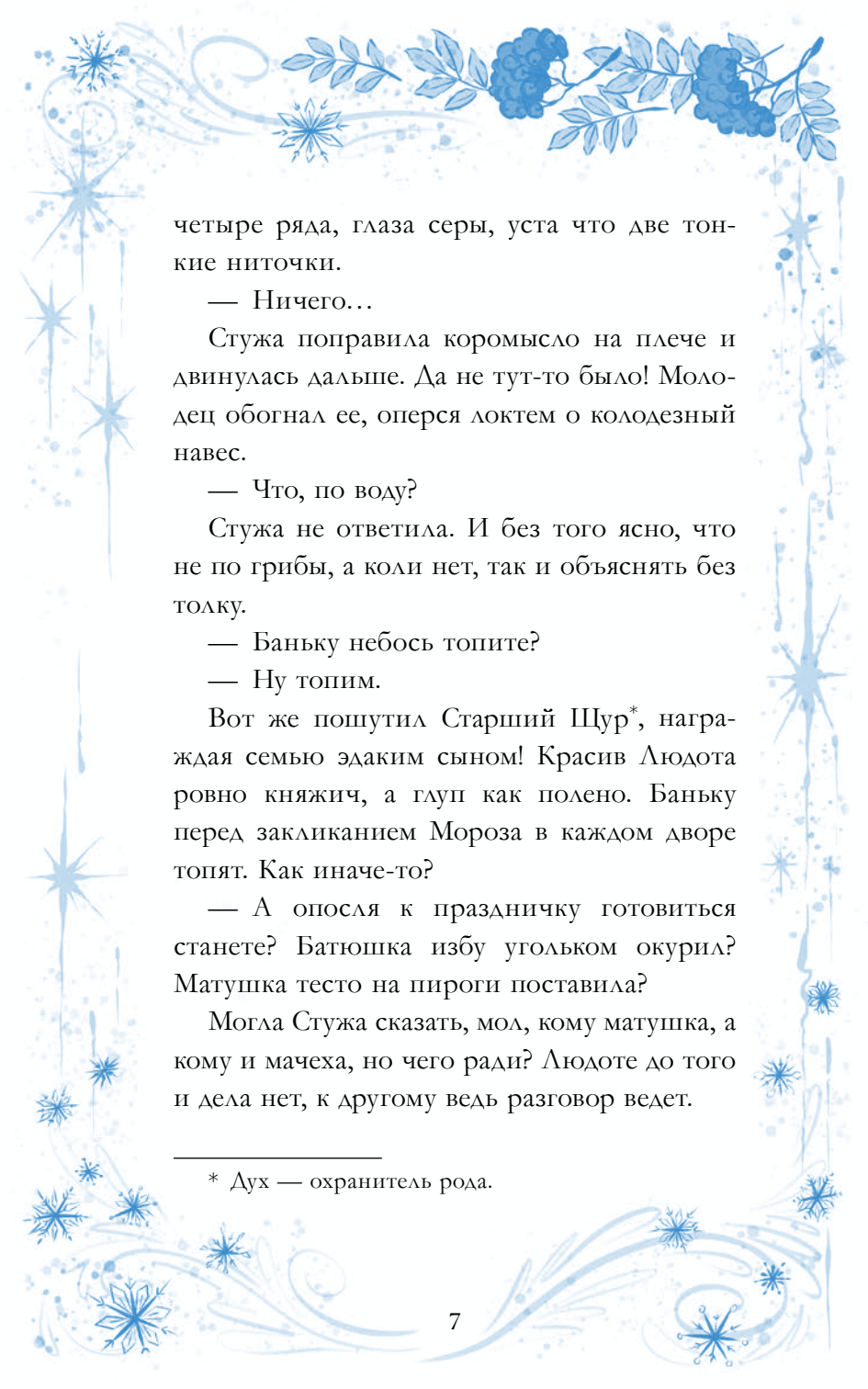
— Что ворон считаешь, Студеница? — засмеялся он, небрежно отталкивая девку с тропки. — Доброму человеку пройти не даешь.

Стужа пошатнулась, тихонько хрустнула под кожаными поршнями заиндеветшая трава.

— Добрый сам бы с дороги отошел, — процедила она.

— Чего говоришь?

А что ей еще сказать, девке непутевой? Чтоб Студеницей не обзывал? А кто она, коли не Студеница? На свет появилась едва ли не холодной, да мать отмолила, сама за место дочери в Тень ушла. Чтоб не дразнился? Так все дразнят, от мала до велика! Уродилась девка таковой, что лучше бы вовсе не рождалась: хворобной, бледной, слабой. От самого малого сквозняка норовила околеть, а как в лета вошла, так и вовсе хоть плачь. У иных девиц коса в руку толщиной, щеки румяны, очи ясны. А Стужа что? Мышь полевая: три мшистых волоса в

четыре ряда, глаза серы, уста что две тонкие ниточки.

— Ничего...

Стужа поправила коромысло на плече и двинулась дальше. Да не тут-то было! Молодец обогнал ее, оперся локтем о колодезный навес.

— Что, по воду?

Стужа не ответила. И без того ясно, что не по грибы, а коли нет, так и объяснять без толку.

— Баньку небось топите?

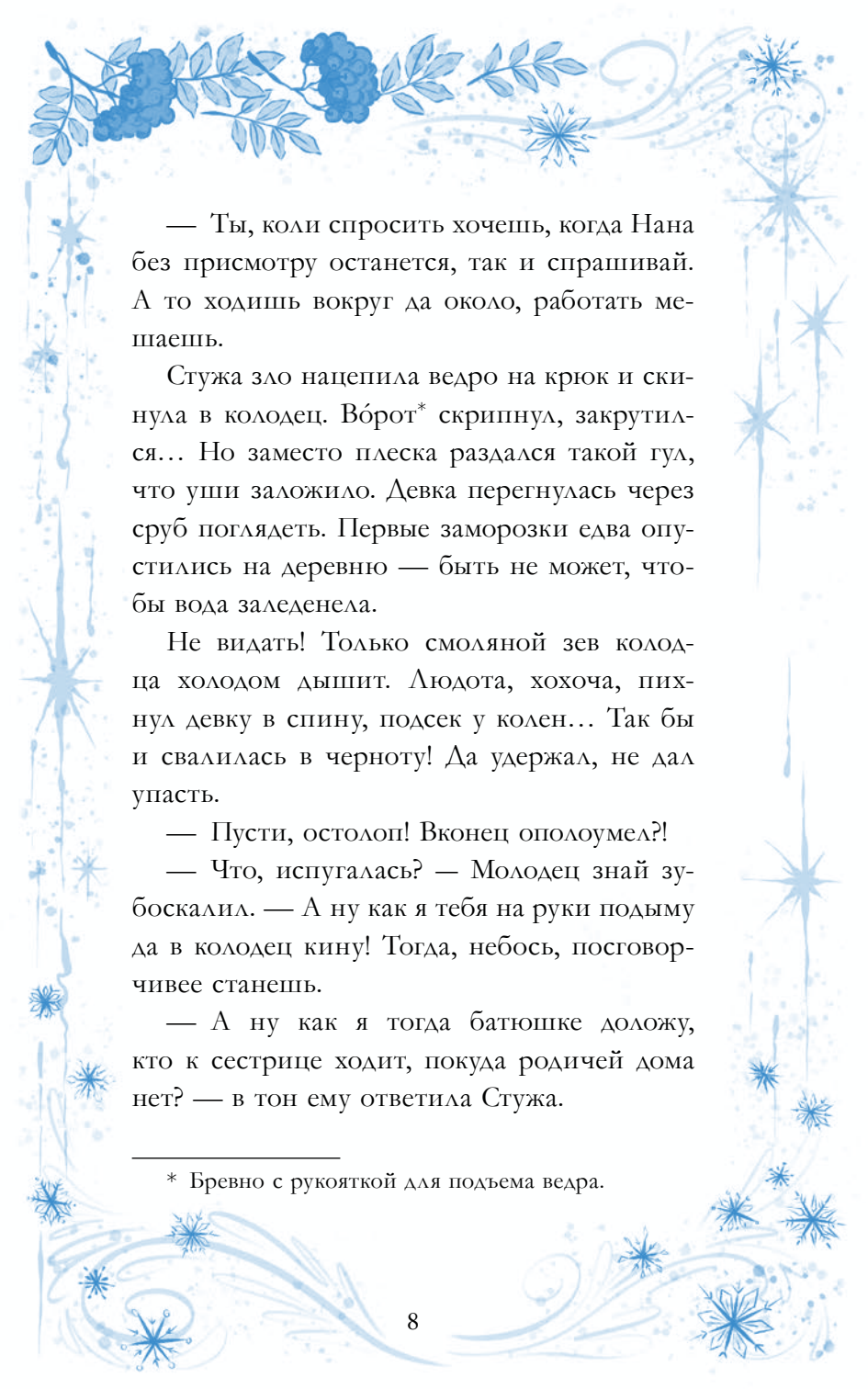
— Ну топим.

Вот же пошутил Старший Щур*, награждая семью эдаким сыном! Красив Людота ровно княжич, а глуп как полено. Баньку перед закликанием Мороза в каждом дворе топят. Как иначе-то?

— А опосля к праздничку готовиться станете? Батюшка избу угольком окурил? Матушка тесто на пироги поставила?

Могла Стужа сказать, мол, кому матушка, а кому и мачеха, но чего ради? Людоте до того и дела нет, к другому ведь разговор ведет.

* Дух — охранитель рода.

— Ты, коли спросить хочешь, когда Нана без присмотра останется, так и спрашивай. А то ходишь вокруг да около, работать мешаешь.

Стужа зло нацепила ведро на крюк и скинула в колодец. Вóрот* скрипнул, закрутился... Но заместо плеска раздался такой гул, что уши заложило. Девка перегнулась через сруб поглядеть. Первые заморозки едва опустились на деревню — быть не может, чтобы вода заледенела.

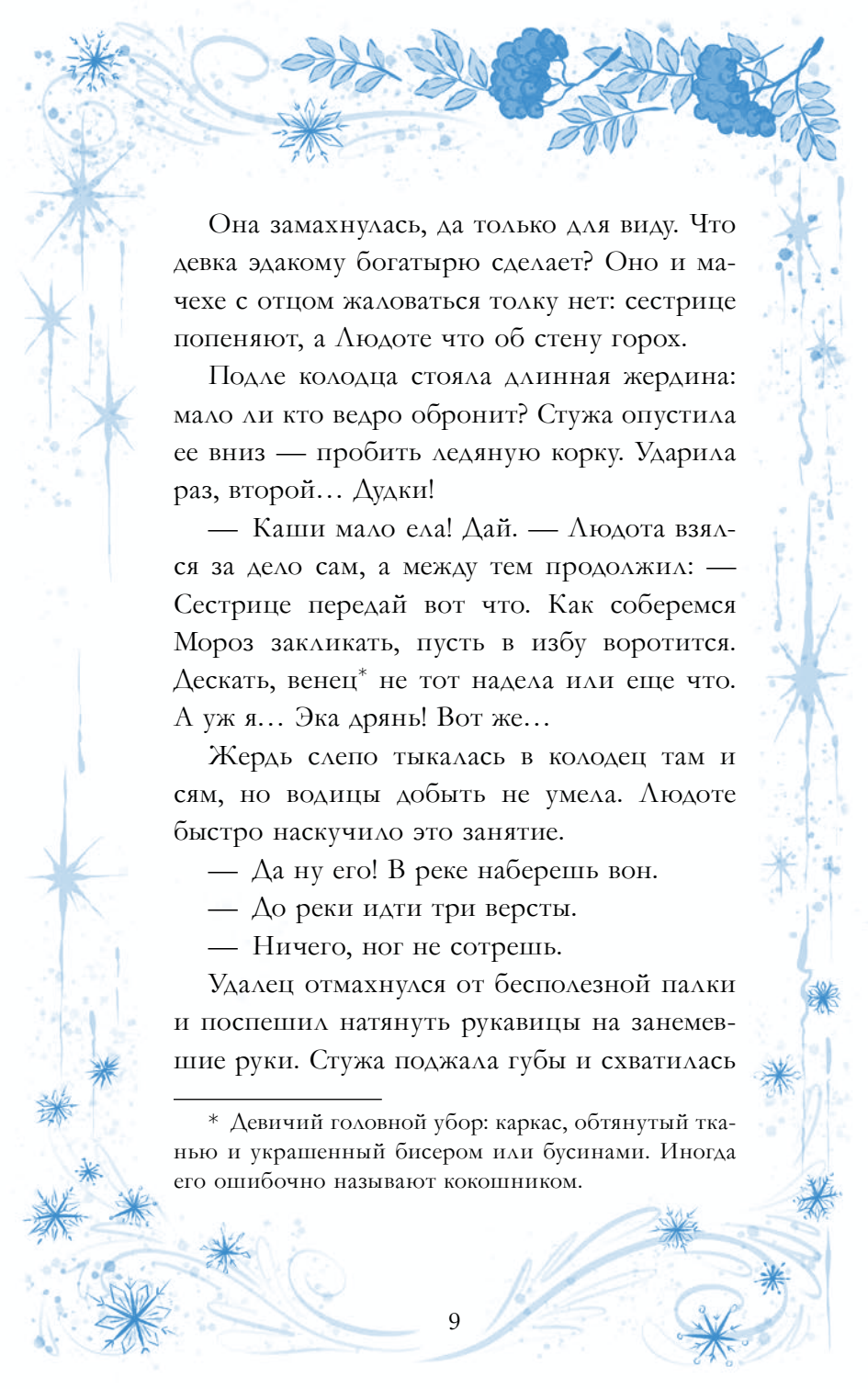
Не видать! Только смоляной зев колодца холодом дышит. Людота, хохоча, пихнул девку в спину, подсек у колен... Так бы и свалилась в черноту! Да удержал, не дал упасть.

— Пусти, остолоп! Вконец ополоумел?!

— Что, испугалась? — Молодец знай зубоскалил. — А ну как я тебя на руки подыму да в колодец кину! Тогда, небось, поговорчивее станешь.

— А ну как я тогда батюшке доложу, кто к сестрице ходит, покуда родичей дома нет? — в тон ему ответила Стужа.

* Бревно с рукояткой для подъема ведра.

Она замахнулась, да только для виду. Что девка эдакому богатырю сделает? Оно и мате с отцом жаловаться толку нет: сестрице попеняют, а Людоте что об стену горох.

Подле колодца стояла длинная жердина: мало ли кто ведро обронит? Стужа опустила ее вниз — пробить ледяную корку. Ударила раз, второй... Дудки!

— Каши мало ела! Дай. — Людота взялся за дело сам, а между тем продолжил: — Сестрице передай вот что. Как соберемся Мороз закликать, пусть в избу воротится. Дескать, венец* не тот надела или еще что. А уж я... Эка дрянь! Вот же...

Жердь слепо тыкалась в колодец там и сям, но водицы добыть не умела. Людоте быстро наскучило это занятие.

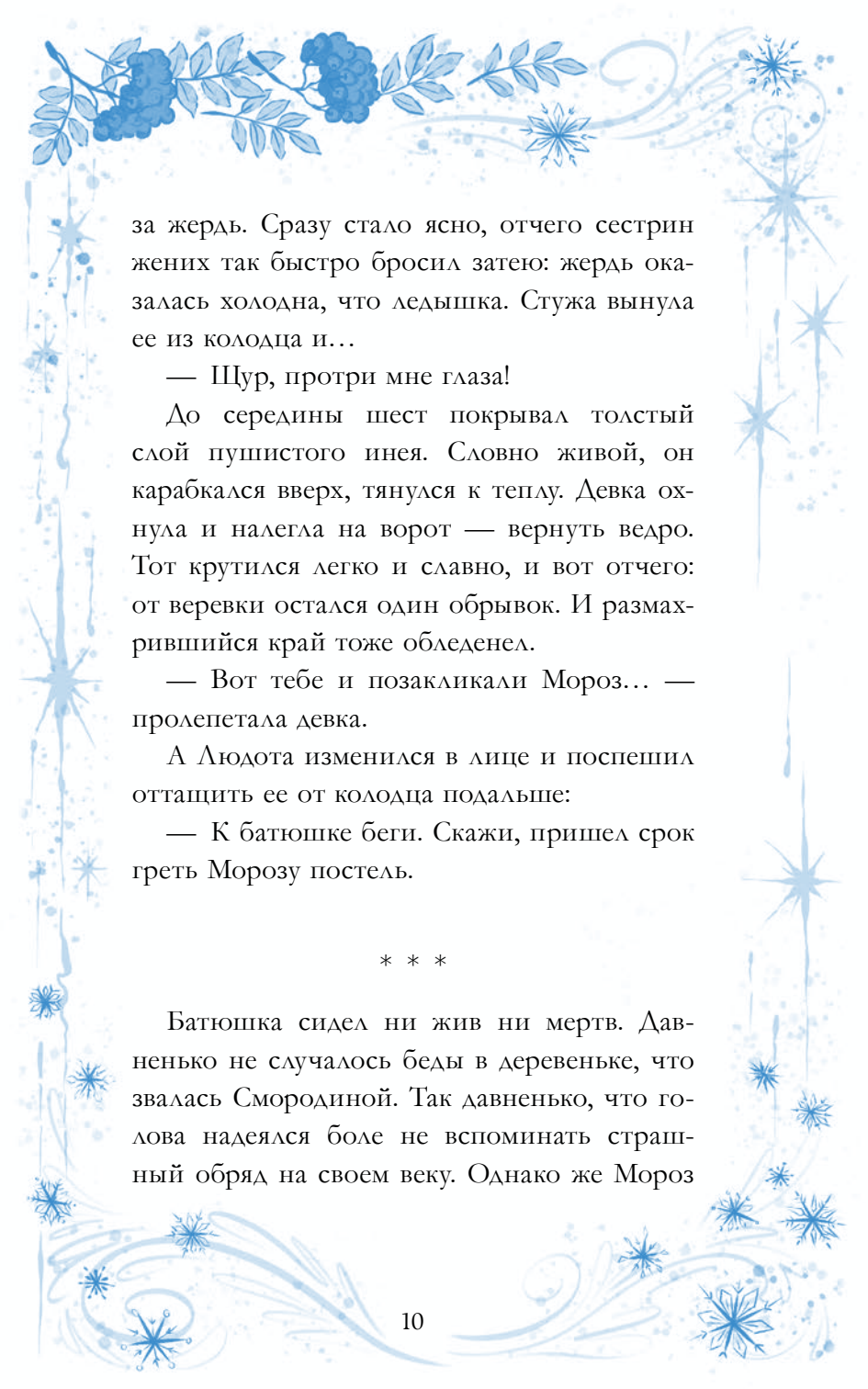
— Да ну его! В реке наберешь вон.

— До реки идти три версты.

— Ничего, ног не сотрешь.

Удалец отмахнулся от бесполезной палки и поспешил натянуть рукавицы на занемевшие руки. Стужа поджала губы и схватилась

* Девичий головной убор: каркас, обтянутый тканью и украшенный бисером или бусинами. Иногда его ошибочно называют кокошником.

за жердь. Сразу стало ясно, отчего сестрин жених так быстро бросил затею: жердь оказалась холодна, что ледышка. Стужа вынула ее из колодца и...

— Щур, протри мне глаза!

До середины шест покрывал толстый слой пушистого инея. Словно живой, он карабкался вверх, тянулся к теплу. Девка охнула и налегла на ворот — вернуть ведро. Тот крутился легко и славно, и вот отчего: от веревки остался один обрывок. И размахившийся край тоже обледенел.

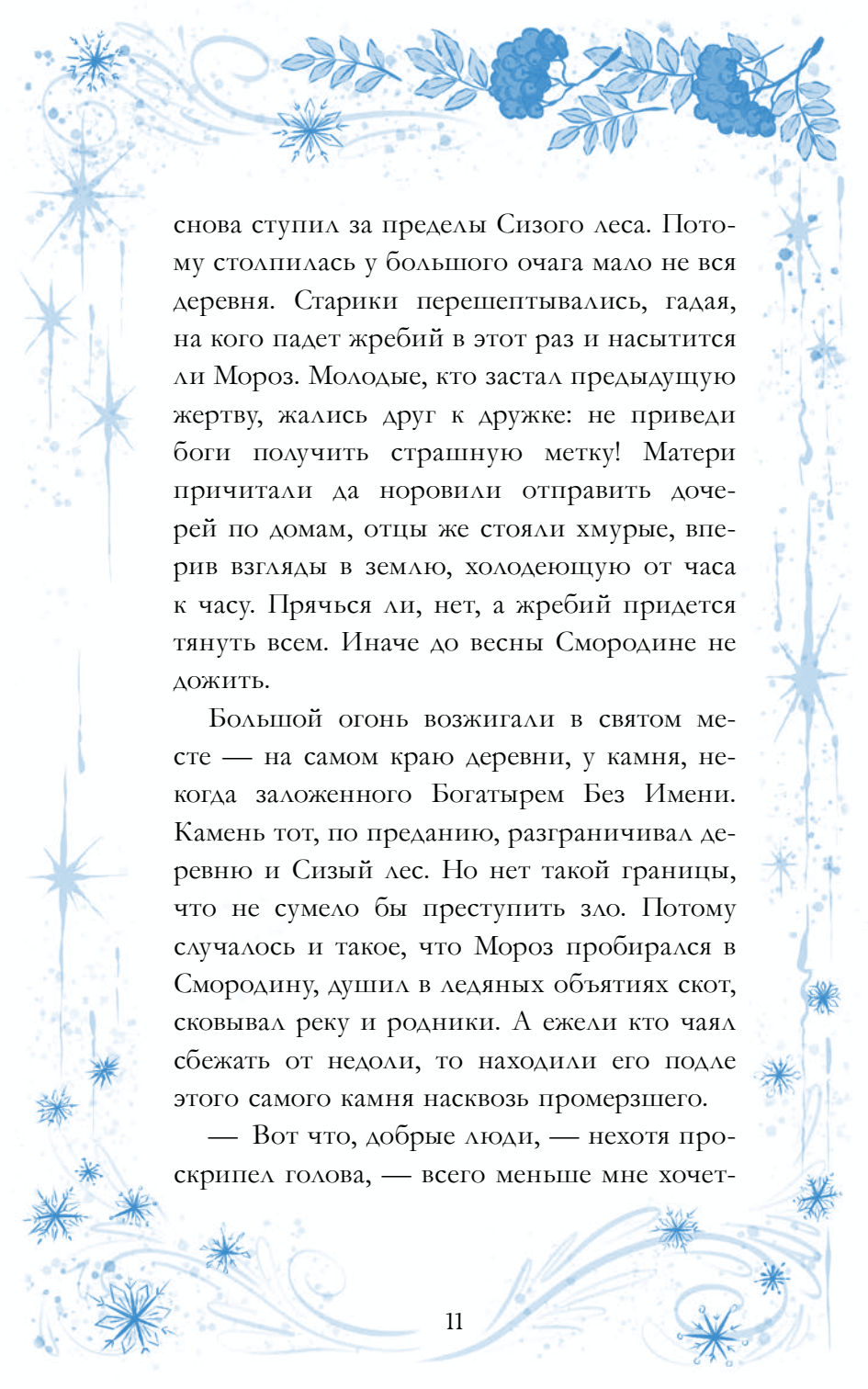
— Вот тебе и позакликали Мороз... — пролепетала девка.

А Людота изменился в лице и поспешил оттащить ее от колодца подальше:

— К батюшке беги. Скажи, пришел срок греть Морозу постель.

* * *

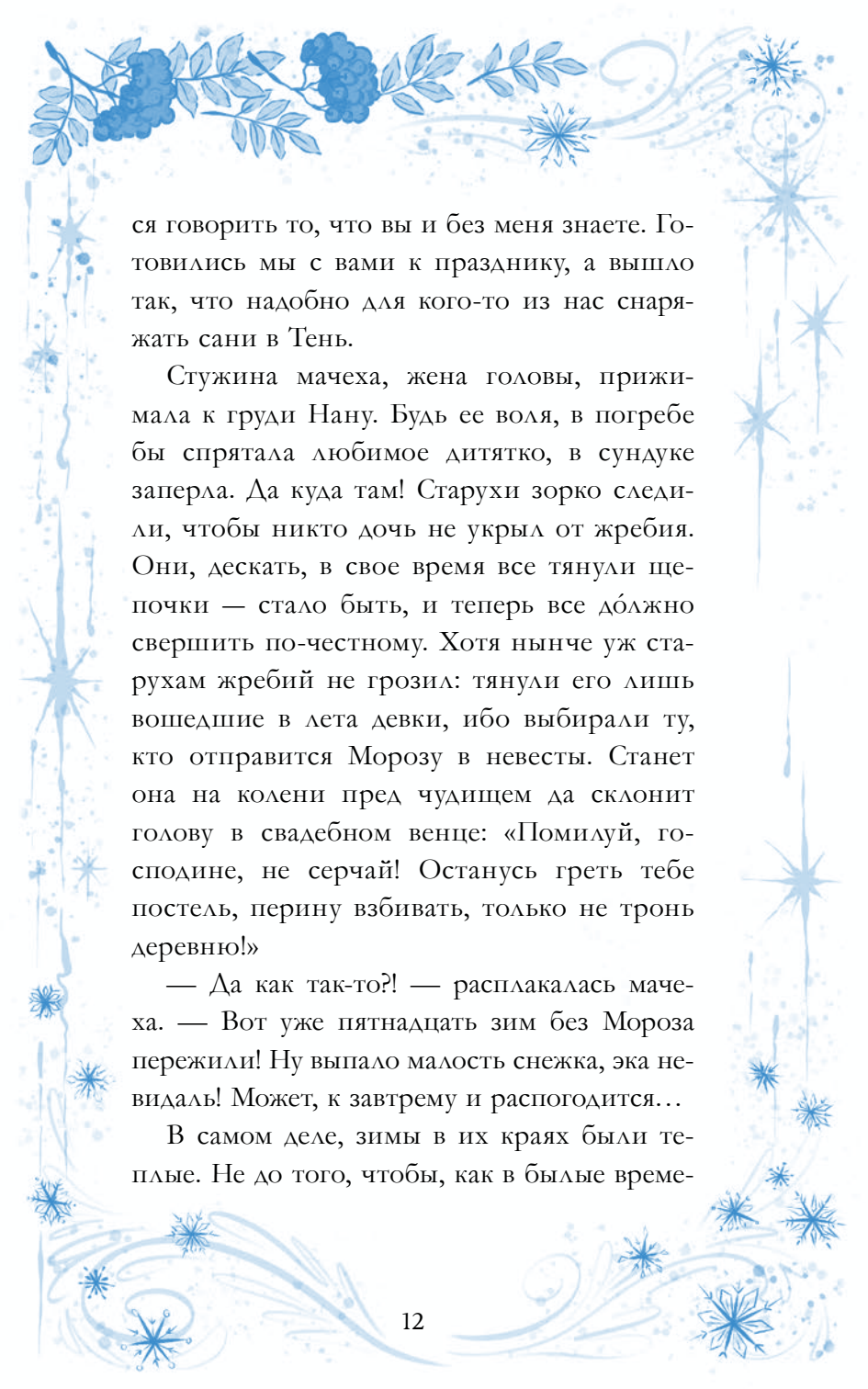
Батюшка сидел ни жив ни мертв. Давненько не случалось беды в деревеньке, что звалась Смородиной. Так давненько, что голова надеялся боле не вспоминать страшный обряд на своем веку. Однако же Мороз

снова ступил за пределы Сизого леса. Потому столпилась у большого очага мало не вся деревня. Старики перешептывались, гадая, на кого падет жребий в этот раз и насытится ли Мороз. Молодые, кто застал предыдущую жертву, жались друг к дружке: не приведи боги получить страшную метку! Матери причитали да норовили отправить дочерей по домам, отцы же стояли хмурые, вперив взгляды в землю, холодеющую от часа к часу. Прячясь ли, нет, а жребий придется тянуть всем. Иначе до весны Смородине не дожить.

Большой огонь возжигали в святом месте — на самом краю деревни, у камня, некогда заложенного Богатырем Без Имени. Камень тот, по преданию, разграничивал деревню и Сизый лес. Но нет такой границы, что не сумело бы преступить зло. Потому случалось и такое, что Мороз пробирался в Смородину, душил в ледяных объятиях скот, сковывал реку и родники. А ежели кто чаял сбежать от недоли, то находили его подле этого самого камня насквозь промерзшего.

— Вот что, добрые люди, — нехотя проскрипел голова, — всего меньше мне хочет-

ся говорить то, что вы и без меня знаете. Готовились мы с вами к празднику, а вышло так, что надобно для кого-то из нас снаряжать сани в Тень.

Стужина мачеха, жена головы, прижимала к груди Нану. Будь ее воля, в погребе бы спрятала любимое дитяtko, в сундуке заперла. Да куда там! Старухи зорко следили, чтобы никто дочь не укрыв от жребия. Они, дескать, в свое время все тянули щечки — стало быть, и теперь все должно свершиться по-честному. Хотя нынче уж старухам жребий не грозил: тянули его лишь вошедшие в лета девки, ибо выбирали ту, кто отправится Морозу в невесты. Станет она на колени пред чудищем да склонит голову в свадебном венце: «Помилуй, господине, не сердчай! Останусь греть тебе постель, перину взбивать, только не тронь деревню!»

— Да как так-то?! — расплакалась мачеха. — Вот уже пятнадцать зим без Мороза пережили! Ну выпало малость снежка, эка невидаль! Может, к завтраму и распогодится...

В самом деле, зимы в их краях были теплые. Не до того, чтобы, как в былые време-